

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Карлик Нос, стр. 4

– С удовольствием, вон оно там стоит, – воскликнул, смеясь, брадобрей, и его посетители, ожидавшие, когда он подстрижет им бороду, тоже громко расхохотались.

– Вы и впрямь красавчик, стройный и складный, шея – как у лебедя, руки – как у королевы, а другого такого хорошенького вздернутого носика и не сыщешь. Пожалуй, вы слишком им любуетесь, это верно; ну, ладно, поглядитесь, пусть не говорят про меня, будто я из зависти не позволил вам поглядеться у себя в зеркало!

Так сказал брадобрей, и вся цирюльня задрожала от хохота. Между тем карлик подошел к зеркалу и взглянул в него. Слезы выступили у него на глазах. «Да, милая маменька, – подумал он, – ты, конечно, не могла узнать своего Якоба. В ту счастливую пору, когда ты хвасталась мною перед людьми, наружность у меня была иная!» Сейчас глаза у него стали маленькими, как у свиньи, нос чудовищно вырос и навис надо ртом и подбородком, шеи будто и в помине не было, потому что голова ушла глубоко в плечи и ворочать ею из стороны в сторону ему было очень больно. Ростом он был все тот же, что и семь лет тому назад, когда ему было только двенадцать; но в то время как все прочие от двенадцати до двадцати растут в высоту, он рос в ширину, спина и грудь у него сильно выпятились и смахивали на небольшой, но туго набитый мешок. Толстое туловище сидело на слабеньких ножках, подгибавшихся под его тяжестью, зато руки были очень длинные, той же длины, что у взрослого мужчины, и болтались, как плети, кисти рук огрубели и потемнели, пальцы вытянулись по-паучьи, и, расправив их как следует, он мог, не нагибаясь, достать до полу. Вот каким стал маленький Якоб, – он превратился в уродливого карлика.

Теперь он припомнил то утро, когда старуха подошла на базаре к его матери. Всем, что он тогда осудил в ней – длинным носом, безобразными пальцами, – всем надела она его, кроме длинной трясушей шеи, шею она начисто упразднила.

– Ну что, мой принц, вдоволь нагляделись? – спросил брадобрей, подходя к нему и насмешливо его рассматривая. – Право, такой смешной наружности при всем желании и во сне не увидишь. Но у меня есть для вас предложение, крохотный человечек. Ко мне в цирюльню заходит, правда, порядочно народу, но за последнее время не так много, как то было бы желательно. Причина тому та, что мой сосед, брадобрей Шаум, разыскал где-то великана, который привлекает к нему посетителей. Ну, чтобы вырасти великаном, большого умения не надобно, а вот стать человечком вроде вас, да, – это потруднее. Поступайте ко мне на службу, крохотный человечек, я поселю вас у себя, буду кормить, поить, одевать, обувать, – всего у вас будет вволю; за это вы должны стоять по утрам у меня перед дверью и зазывать ко мне народ, взбивать мыльную пену, подавать посетителям полотенце, и, уверяю вас, дела у нас пойдут неплохо; у меня посетителей будет больше, чем у соседа с великаном, а вам всякий охотно даст на чай.

Карлик был в душе возмущен предложением служить приманкой для брадобрея. Но ему пришлось стерпеть это оскорбление. Поэтому он совершенно спокойно ответил брадобрею, что не располагает временем для таких услуг, и побрел дальше.

Хотя злая старуха и испортила ему наружность, но нанести вред его разуму она не смогла – это он отлично чувствовал, потому что думал и чувствовал он не так, как семь лет тому назад, – нет, за это время он стал умнее, рассудительнее; его печалила не утрата былой красоты, не теперешнее его уродство, а то, что отец, словно собаку, прогнал его от своего порога.

Поэтому он решил еще раз попытать счастья у матери.

Он подошел к ней на базаре и попросил спокойно выслушать его. Он напомнил ей тот день, когда ушел со старухой, напомнил разные случаи из своего детства, потом рассказал, как семь лет прослужил в образе белки у колдуньи и в кого она его превратила за то, что он ее тогда осуждал.

Сапожникова жена не знала, что и думать. Все, что он рассказал о своем детстве, так на самом деле и было, но когда он стал уверять, будто в течение семи лет был белкой, она промолвила:

– Ну, этого быть не может, да и волшебниц не бывает. – И, посмотрев на уродца–карлика, она возненавидела его и не могла поверить, что это ее сын. В конце концов она сочла за лучшее поговорить с мужем. Она собрала корзины и велела ему идти вместе с ней. Так и пришли они к лавчонке сапожника.

– Послушай, – сказала она ему, – вот этот человек утверждает, будто он наш потерянный Якоб. Он мне все рассказал, как семь лет тому назад его увела от нас и заколдовала злая волшебница.

– Ах, так! – в гневе воскликнул сапожник. – Вот что он тебе рассказал? Ну, подожди же ты у меня, негодник! С час тому назад я сам все ему рассказал, а он отправился морочить тебя! Так тебя заколдовали, сыночек? Подожди же, вот я тебя расколдую. – С этими словами он схватил связку ремней, которые как раз нарезал, подскочил к человечку и так вытянул его по высокому горбу и длинным рукам, что тот закричал от боли и с плачем убежал прочь.

В том городе, как, впрочем, и везде, мало сердобольных людей, готовых помочь бедному человеку, особенно если на его счет можно позабавиться.

Потому–то и не удалось бедняжке карлику за весь день поесть и попить, а когда стемнело, ему пришлось заночевать на церковной паперти, хотя она и была твердая и холодная.

Когда на следующее утро его разбудили первые лучи солнца, он серьезно задумался, чем ему жить, раз отец с матерью его прогнали. Чтобы служить вывеской брадобрею, он был слишком горд; подражаться в шуты и показываться за деньги он не хотел. Как жить? Тут ему пришло в голову, что, в бытность свою белкой, он сильно преуспел в поварском искусстве; не без основания полагал он, что может потягаться с любым поваром; он решил использовать свое поварское искусство.

Как только улицы оживились и утро окончательно вступило в свои права, он вошел в церковь и помолился. Затем пустился в путь. Герцог, владетель той страны, – о, господин, – был известный объедала и лакомка, любил сладко покушать и выписывал поваров со всех частей света. К его–то дворцу и отправился крохотуля. У внешних ворот привратники спросили, что ему надобно, и принялись всячески потешаться над ним; он же потребовал обер–гоф–повара. Смеясь, повели они его через внешние дворы, и всюду, где он появлялся, слуги оставляли работу, глазели на него, громко хохотали и присоединялись к ним, так что под конец по лестнице дворца шествовала процессия слуг всякого рода; конюхи отбросили свои скребницы, скороходы бежали со всех ног, слуги, приставленные к коврам, забыли выколачивать ковры, – все толкались и спешили; поднялась такая давка, словно к воротам подступил враг, в воздухе стоял крик: «Карлик, карлик! Видали карлика?»

Тут в дверях появился смотритель дворца, лицо у него было сердитое, а в руках он держал огромный бич.

– Побойтесь бога, собаки проклятые! Чего расшумелись! Разве не знаете, что герцог изволит еще почивать? – И при этих словах он размахнулся бичом и весьма неласково прошелся им по спинам конюхов и привратников.

– Господин, – закричали они, – разве вы не видите? Мы привели карлика, такого карлика, какого вы и не видывали.

Заметив человечка, смотритель дворца приложил все старания, чтобы не рассмеяться, ведь он боялся, как бы смех не повредил его достоинству.

Поэтому он разогнал бичом толпу слуг, а человечка повел в дом и спросил, чего ему надобно. Когда же услышал, что тот добивается обер–гоф–повара, он возразил:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Ты, сыночек, ошибаешься, тебе нужен я, смотритель дворца, ты собираешься поступить в придворные карлики к герцогу, не так ли?

[Назад](#) << [1](#) [2](#) [3](#) ⁴ [5](#) [6](#) [7](#) [8](#) [9](#) >> [Дальше](#)